

В.Ф. Одоевский и славянофилы

Владимир Греков

В публикации рассматриваются отношения между В.Ф. Одоевским и славянофилами, комментируется его переписка с А.С. Хомяковым в связи с выступлением К.С. Аксакова, напечатавшего в 1859 г. в газете «Парус» неблагоприятный отзыв о творчестве Одоевского. В приложении помещен черновой набросок В.Ф. Одоевского «О журнале “Парус”».

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский, славянофилы, народность, газета «Парус».

Между славянофилами и западниками

С будущими славянофилами И.В. Киреевским и А.И. Кошелёвым князь В.Ф. Одоевский познакомился в ранней юности, в кружке С.Е. Раича и в тайном обществе любителей мудрости, председателем которого он был. Немного позднее подружился он и с А.С. Хомяковым. Дружеские связи между ними сохранились на всю жизнь.

Как и любой мыслитель, Одоевский не мог не думать о России, о ее месте во всемирной истории. В его романе «Русские ночи» Фауст зачитывает последние слова рукописи: «Девятнадцатый век принадлежит России»¹. По существу же, это декларация самого Фауста. Присоединяется к нему и сам автор, напоминающий о сказанном в рукописи в самом конце романа. Но что это значило? Одоевский говорит о том, что Россия еще не сказала своего слова, ее мнение не учтено в споре европейских стран. Одним словом, Россия только начинает жить.

Одоевский искал универсальный принцип, теорию, которая могла бы объяснить весь мир и определить поиски человека. Так, в 1841 г. в эссе «Организм» (не опубликованном при его жизни), Одоевский писал о необходимости сближения явлений «общественного организма» с явлениями

Греков Владимир Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии историко-филологического факультета Российского православного университета св. Иоанна Богослова, Grekov-@mail.ru

ми «отдельного организма»². Он исходит из представления, что «всякий род – организм». Законы мироздания едины для живого и неживого, для мира физического и общественного. «Эти организмы управляются одними и теми же естественными законами, коих развитие простирается от простейшего атома до самой сложной человеческой мысли и самого сложного общественного сопряжения. Открытие естественных законов <...> возможно во всяком явлении, какое бы оно ни было; вся разница в том, что наблюдения легче, где элементов меньше и сопряжения их проще <...> явления жизненные заставляют вводить в уравнения большое количество данных и в сопряжениях более шатких трудность наблюдения растёт <...> по мере сложности явлений»³. Мы знаем, что и славянофилы считали, что мир развивается по законам органическому, а не механическому. Однако в представлении об истории Одоевский с ними решительно расходился. В конце «Русских ночей» Фауст утверждает, что «история как наука не существует». И поясняет, почему: «главное условие всякой науки – знать свое будущее». История же не знает его: «она только накладывает камень на камень, не зная, какое выйдет здание». Следовательно, дело в том, что историк не может понять общие законы истории и вывести из «второстепенных причин» какую-нибудь «общую формулу»⁴.

Переезд Одоевского в Петербург, государственная служба, различие во взглядах сделали общение его со своими друзьями – будущими славянофилами – чуть более напряженным, чуть более житейским. Тем не менее, Одоевский обижался, что «Москвитянин» молчит о его сочинениях (1845 г.). Хомяков объяснял, что «Москвитянин», оживленный было Киреевским, снова оказался «при смерти». «Если бы он был жив, то он стал бы говорить о тебе и говорить серьезно <...> Разумеется, не все бы было похвала: примешалась бы и горькая

критика не художественного достоинства, но самых основ твоей мысли. За это и ты бы не погневался, но статья была бы серьезная и об ней уже было говорено часто и много. Боги решили иначе»⁵. Сам же Хомяков отказывается участвовать в журнале «Сельское чтение», который выпускал Одоевский (вместе с А.П. Заблоцким-Десятовским). Причин много. Но есть и принципиальные. «Мне кажется все издание “Сельского чтения” крайне оскорбительным явлением и выражением глубокого, ничем не заслуженного и, во всяком случае, непозволительного презрения к просвещаемому. Ты сам, вероятно, нисколько не дорожил приглашением москвичей к участию в этой книге: я мог бы и не объяснять причин, по которым я отказался, но я говорю об них потому, что они связаны со всею деятельностью или со всем направлением, в котором мы желали быть деятельными»⁶.

Разногласия

Как видно, Хомякову трудно далось это признание, но слово сказано, обозначена *разница направлений*. Не этим ли объясняется и долгое молчание Хомякова, не писавшего Одоевскому, и его оговорки о том, как трудно писать о серьезных «материях», как необходимы личные встречи и многочасовые беседы? Расхождения настолько велики, что Хомяков уже опасается за личные отношения. Он спрашивает: «Неужели же нам суждено, наконец, быть противниками? Разумеется, если бы и так, то это нисколько не изменило бы наших старинных дружеских отношений, но прибавило бы много горечи к делу, которое и само по себе уже не больно отраднo. Да неужели это необходимо? <...> Мне кажется, все дело в недоразумении <...> вы не вполне оценили минуту современную ни в России, ни вне России. Дело всех людей, всех народов решается собственно у нас, а не на Западе, дело истинное, дело про-

свещения и жизни, которое гораздо выше и важнее всех так называемых практических вопросов. Очевидно, если бы оно могло решиться на Западе, оно бы уже и было решено или, по крайней мере, будущее решение было подготовлено <...> Если же оно там не решено и не может быть решено, то смешно бы было искать его решения в тех путях, по которому <так!> шло западное человечество, по которому и теперь идет западное просвещение. Нужны и новые данные, и новый строй мысли для разрешения задачи или для проложения путей, по которым она может быть разрешена»⁷. По мнению Хомякова, Одоевский и его друзья судят о России, пользуясь правилами европейского просвещения. Россию же можно понять только через народ. Хомяков убежден в «бесплодности личных, отдельных усилий, в необходимости осуществления коллективной воли» – т.е. воли народа, ибо «только жизнь целого общества, целого исторического народа может обогащать все человечество»⁸. Неуважение к России – одна из причин «разъединения», о котором пишет Хомяков.

Ответ Одоевского подтвердил опасения поэта. Оказывается, он вовсе и не желает личных встреч и бесед, личное обаяние и красноречие Хомякова не действуют на расстоянии и не затемняют истину. «Разделение на русских иностранцев и на русских-русских – есть нелепость, все мы русские, все любим Россию и по внутреннему чувству, и потому что с нею соединена и вся наша внешняя жизнь, которая также что-нибудь да значит; вся разница в том, что одни ищут построить свою русскую жизнь на элементах какой-то допотопной Руси, еще не открытых, другие по тем результатам, до которых она достигла в настоящую минуту; оттого у первых квиетизм, неразлучный с углублением в прошедшее, а у других деятельность, не всегда, может быть, верная, но все-таки деятельность...»⁹. Одоевский недоволен бездеятельностью друзей (в

этом он видит главную причину неудачи «Москвитянина»). К русскому просвещению он относится без всякого пиетета, не склонен оправдывать его несовершенство кознями иноземцев, долгим татарским пленом и прочими обстоятельствами. Древнерусскую литературу он называет проповедями, причем переведенными с греческого, или же подражательными, напоминая, что сказка о Бове королевиче – перевод с итальянского, что народные русские сказки воспевают только физическую силу. Нет ничего светлого и в политической жизни древности. Он считает, что Судебник (очевидно, Судебник Ивана IV) ограничивается «фискальной частью», Уложение (Алексея Михайловича) «большею частью взято из византийских толкований на Римское право». Наконец, о красотах «общественной жизни» свидетельствуют записки Курбского, Желябужского и Кошихина. Оскорбительнее всего Хомякову и славянофилам могли показаться похвалы Петру I, без которого, по мнению Одоевского, Россия была бы «недвижна, как недвижимы, напр<имер>, финны», ибо Петр привил нам «новый деятельный элемент <...>, с которым явились у нас и Ломоносов, и Державин, и Жуковский, и Пушкин, и Гоголь, и Хомяков, и Киреевский, и университеты, и Академия, и грозная для Европы сила – словом, все то, по чему наши потомки доберутся, в чем состояло русское просвещение, то есть именно то, чего вы не найдете в допетровской Руси; а между тем действие Петра не было ни русское, ни даже вполне сознательное <...> и что же? от всего этого болезненного процесса сделались ли мы немцами, французами, голландцами? нет! <...> русский сохранил свою самобытность»¹⁰.

С точки зрения славянофилов, слова Одоевского свидетельствовали о его неуважении и к народу, и к истории. С его мнением о Петре Хомяков, конечно, не мог согласиться. Мы не знаем, отвечал ли

Хомяков на это письмо. Скорее всего, нет. Немного позднее, в 1847 г. К.С. Аксаков в «Московском литературном и ученом сборнике» обвинил Одоевского как раз в непонимании народа, в игнорировании его собственных начал.

Аксаков разбирает повесть Одоевского «Сиротинка». Напомним сюжет этой повести. Крестьянскую девочку Настю, сироту, взяла богатая дама в Петербург и воспитала ее. Подросшая Настя возвращается в родную деревню и, пользуясь своими знаниями и воспитанием, помогает сельчанам, взяв на себя посильную заботу о детях. Аксакову же не нравится, что Настя одета и говорит уже не по-крестьянски, а почти по-петербургски и при этом поучает крестьянских детишек, морализирует на пустом месте, учит тому, что, по мнению критика, они знают и так. Аксаков возмущается: «...невыносимо тяжело и больно, когда какой-нибудь писатель, народу совершенно чуждый, совершенно от него оторванный, лицо отвлеченное, как все, что оторвано от народа, когда такой писатель, полный чувства своего мнимого превосходства, вдруг заговорит снисходительно о народе, могущественном хранителе жизненной великой тайны, во всей силе своей самобытности предстоящем пред нами, легко и весело с ним расставшимися. Писатель не трудится над тем, чтобы узнать, понять его; для него узнавать и понимать в нем нечего; ему стоит только снизойти написать о нем»¹¹. Аксаков в своей рецензии поставил под сомнение литературный талант Одоевского, глубину его проникновения в народный мир. Главный посыл критика – снисходительно-сентиментальное отношение автора к народу – теряется за многочисленными упреками в неуважении к народу, нежелании его понять. Вероятно, его задело несовпадение отношения Одоевского с тем, которое предполагалось славянофильской теорией. К. Аксаков считал Петербург воплощением лжи. Поэтому писатель, живущий там,

не способен показать русского человека и правду русского мира. Точно так же и девочка, героиня повести, воспитанная в Петербурге, не могла служить примером для деревенских детей.

Предвзятость Аксакова, конечно, раздосадовала автора, но никакого опровержения или антикритики он в это время не написал.

К.С. Аксаков и В.Ф. Одоевский

В 1859 г. в газете своего брата, Ивана Аксакова, «Парус» К. Аксаков печатает разбор альманаха «Народное чтение». Говоря о принципах народного чтения, об отношении писателя к народу и об опасности псевдонародности, он напоминает о «Сельском чтении» (издававшимся Одоевским). Он высмеивает писателя, который «чуть не говорил народу: “душенька народ, миленький народенька!”»¹²

Терпение Одоевского иссякло и он возмущенно пишет Хомякову в январе 1859 г.: «на основании какого татарского кодекса, г. К. Аксаков соблаговолил, на последнем листе нумера, нелепую и шутивную фразу *собственного его изделия* вложить в уста мне и, таким образом, на старости лет, рядить меня в шуты? <...> Г-н К. Аксаков уже несколько раз <...> задевал меня <...> я не обращал на это внимания <...> всего более потому, что Аксаков был всегда в опале <...> Г-н К. Аксаков не понял моего деликатства точно так же, как не понимает ни русского народа, ни его потребностей, ни телесных, ни душевных; в благодарность 1 N “Паруса” уж не задевает меня, а просто норовит кулаком: *выписывает мое имя всеми буквами* и, без дальних околичностей, ставит *возле него галиматейную, гаерскую фразу*, да еще для лучшего убеждения читателей, что эта фраза – *действительно моя, приставляет к ней водяные знаки*. – При такой обстановке, лукавое слово “почти” – ничего не значит; в глазах читателя, шутовская фраза остается

привязанною к моему имени. – Это уж из рук вон! [курсив Одоевского. – В.Г.]»¹³.

Между тем Аксаков поднимал в своей рецензии излюбленный славянофильский вопрос: может ли образованное общество, оторванное от народа, просвещать его и выпускать какие-то специальные народные книжки. Он считал, что не обязательно писать намеренно для народа. Достаточно писать общепонятно, и тогда крестьянин все поймет. «Не пишите для народа. Что будет общепонятно – поймет, поверьте, и народ <...> Вместо того, чтоб писать какие-то сочинения исключительно для народа, пусть лучше литература наша постарается быть народною: тогда она сама станет истинно на высокую и действительную степень, и для всего народа делается доступною»¹⁴.

К. Аксаков говорит о подражании народному языку, о специальном подборе назидательных или практических текстов и не соглашается с такой практикой. Вместе с тем подготовка общепонятных книг также может рассматриваться как создание книг для народа. Одним словом, вопрос достаточно сложный, субъективный.

Однако иронический тон Аксакова, упоминание об Одоевском действительно выглядели как переход на личности. К этому прибавилась и обида на друзей, не обративших внимания на выходку Константина Сергеевича. «Всего отраднее то, что мои старые друзья, участвующие в "Парусе", несколько не возмутились подобною гадостью; N 2 вышел безмятежно, без оговорки, как ни в чем не бывало, – сетовал Одоевский. – Да они, я чаю, и сами уверены, что глупая фраза действительно находится где-нибудь в одной из 4-х книжек "Сельского чтения", которого они не удостоили и прочтением. <...> я не заслужил подобной позорной проделки, которую бы грех было употребить и против Булгарина с Сенковским <...> Ожидаю, что в самоближайшем номере "Паруса" г. К. Аксаков исправит

свое забвение из литературных и житейских приличий, и напишет извинение <...> В противном случае я буду вынужден, по чувству самоохранения, вывести эту проделку на свежую воду, и при сем случае рассмотреть поближе права г. К. Аксакова на подобное беспардонное наездничество [курсив Одоевского. – В.Г.]»¹⁵. Одоевский, со своей стороны, также обобщает факты, приписывая и выступление К. Аксакова, и молчание друзей «славянской крови» «византийству». «В такую великую минуту, как ныне, когда все, что чувствует и мыслит на Руси, должно бы истощить свои силы, чтобы выйти счастливо из кризиса, мы выходим только на кулачки, ради наших страстишек! Что за отатарившаяся Византия!»¹⁶

«...Изменить уже ничего не могли»

Для Хомякова и московских славянофилов обида и гнев петербургского друга были неожиданными. Впрочем, если судить по ответному письму, и выпад Константина Сергеевича удивил их не меньше. Однако Хомяков вовсе не спешит встать на сторону обиженного, он только пытается его успокоить и объяснить, что Аксаков обидел его неспециально. Статью «москвичи» прочли уже только в газете. Все они были недовольны и досадовали на публикацию, но «изменить уже ничего не могли».

Любопытно, однако, как он пытается объяснить, мотивировать поступок Аксакова. Конечно, Хомяковым движет желание примирить обе стороны. Но фактически он призывает Одоевского не принимать все близко к сердцу и не обижаться. Аксаков мог «сердиться по принципам», но обижать лично Одоевского не собирался. Хомяков убеждает, что выпад в «Парусе» – только пример, иллюстрирующий эстетическую теорию, причем вполне здравую: упрек адресован Одоевскому как петербуржцу. Аксаков «просто хотел характеризовать эпохи. Эпоха 1-я, к народу вовсе не обращаются. Эпоха 2-я, Одоевский трактует

народ как ребенка и чуть-чуть не говорит: “Душенька народенька”. (По-моему, он мог бы и чуть-чуть выпустить; смысл был бы тот же). Эпоха 3-я, худшая и т.д. Неужели ты тут видишь личность? Он сейчас готов печатно объяснить этот взгляд, если “Парус” уцелеет; но друзья же твои теперь его удерживают, и едва ли не умно делают, потому что не должно придавать важности тому, чего читатель не запомнит»¹⁷.

В письме Хомякова был свой резон: публикация объяснений напомнила бы о рецензии, вызвала толки и могла бы, возможно, поставить Одоевского в положение комическое. Хомяков называет Аксакова «гелертером», т.е. книжником, оторванным от жизни, но фактически признает справедливость его суждения о неправильном восприятии народа. Письмо кончается мягким упреком Одоевскому, объясняющим, почему он стал объектом критики: «...Кого же мы станем бранить? Дураков или подлецов? Бешенцовых или Булгариных? Кроме умных и честных никого бранить мы не можем, и чем даровитее и чем благороднее, тем охотнее <...> Исправимы только благородные и умные; вредны только умные и благородные. Вот тебе славянофильское исповедание»¹⁸.

«Фетиш» или «признаки народности»?

Письмо Хомякова расставило все на свои места. Разрыв намечался и в отношении к статье К. Аксакова, и в несогласии с идеями славянофилов. 5 февраля 1859 г. Одоевский писал: «Поблагодари крепко тех, в ком выходка г. Аксакова произвела негодование, к сожалению, остающееся неизвестным для читателей “Паруса” и нечитателей “Сельского чтения”. Твоей теории, виноват, в толк взять не могу; без сомнения, проделка г. Аксакова смешна, но не в том смысле, как ты ее разумеешь. Оставим меня в стороне: человек наряжен в шуты и выведен в таком наряде на

весь честной мир, пусть так; возратить наряд – по принадлежности, как говорят в канцеляриях, – дело обиженного, и оно соделается, как скоро решится судьба “Паруса”; характер отчета будет зависеть от того: запретят ли “Парус”, или нет [курсив Одоевского. – В.Г.]»¹⁹. Он остается при своем: неловкая шутка или намеренное оскорбление – все равно – выпад Аксакова не должен остаться без последствий. Или автор даст разъяснения, или сам Одоевский вступит в борьбу. Последовавшее запрещение «Паруса» сделало полемику невозможной. Другое дело, общественная и историческая позиция славянофилов. Мы видели, как в предыдущем письме Одоевский поставил под сомнение все доводы славянофилов, собственно, даже ценности. Продолжая тему, он пишет: «...твоя теория навела меня на жестокую грусть: так вот что вырабатывается из вашего славяно-татарского направления! Человек, под хмельком патриархальности, дает другому зуботрещину – и это так, ничего, шуток ради, нет, виноват, не шуток – а за любовь, по убеждению и проч. т.п. Я вообще имею весьма мало почтительности к так называемым искренним убеждениям; нелепое убеждение, искреннее или нет, все-таки нелепо; а как о степени нелепости судит один Бог, то следует воздерживаться от зуботрещин <...>. Так отсутствие деликатства, легкомысленное презрение к человеческой личности, принесение достоинства в жертву какой-то чучеле, фетишу, созданному вопреки истории вашею фантазией – все это, по-вашему, признаки нашей народности! – если так, то благодарю Господа Бога, что считал всегда ваши фантазии наследственную в вас болезнь, от которой должно лечиться, насколько позволят другие живые силы нашего организма»²⁰. Одоевский обратил внимание на неуважение славянофилов к человеческой личности, которое из теории перешло, как он считал, в повседневность, в бытовые отношения.

Ниже публикуется незавершенная статья Одоевского «О журнале “Парус”». Несмотря на все разногласия со славянофилами и личную обиду, он призывает не запрещать издание, а дать ему возможность исчезнуть самому из-за отсутствия читателей. Из заметки видно, что Одоевский не знал, кто именно издатель, путал К. и И. Аксаковых.

Статья В.Ф. Одоевского (черновой набросок) не закончена и хранится в ОР РНБ. Ф. 539. К. 19. Л. 102–104. Публикуется впервые. В квадратных скобках помещены зачеркнутые в рукописи слова и предложения. Авторская орфография и пунктуация сохранены.

В.Ф. Одоевский еще не раз обратится к этой теме, в том числе на страницах «Примечаний» для предполагаемого 2-го издания «Русских ночей» и в заметке «Хмельное дитя». Эпиграфом к ней Одоевский поставил слова, приписываемые ему Аксаковым «Душенька народ, миленький народенька!». В заметке Одоевский писал: «Ребенок забрался в нянюшкин шкаф и вместо кваса выпил глоток сладкой водки. Понравилось; он и еще; оттого дитя несет всякую дичь; дитя пляшет, дитя плачет, в самозабвении повторяет без устали какую-нибудь заученную бессмыслицу или схватит китайскую куклу и то припевает ей: душенька урод, миленький уроденька! то величает своего уродца красавцем, и говорит, что нет ему подобного в свете, иногда уронит куклу, разобьет, да и сам ушибется – а ему все нипочем, – лишь бы наболтаться вдоволь; иногда, вообразив себя богатырем, берется поднять [нрзб.] кресло, силишки не хватает, – дитя сердится и кричит; ничего не слушает, ничему не вникает; станут его усовещивать – он жалуется и ропщет, словом, в комнате от него беспокойство, не дает он никому прохода своею дребеденью и всякому делу от него помеха. Бывает хуже: разозлившись, дитя выдумывает какую-нибудь нелепость, утверждает, что

слышал ее от кого-нибудь из домашних. Все это и смешно и жалко; но не обвиняйте дитяти, оно – охмелено.

Но странно, когда человек, который из ребят давно уже вышел, позволяет себе подобные проделки. В ребенке все это может быть забавно, но что тут милого, когда здоровенный мужик примется блажить или проситься на ручки. К сожалению, такие примеры не редки во всех литературах, а равно и в нашей.

Недавно г. К. Аксаков, издатель “Паруса”, выдумал нелепую фразу, выставленную здесь в эпиграфе, на основании какого-то Китайско-Манджурского кодекса рассудив за благо приписать ее своему сопернику или кого он считает, невесть почему, своим соперником»²¹.

Приложение

В.Ф. Одоевский «О журнале “Парус”»

По городским слухам издание журнала г. Аксакова «Парус» предполагается запретить вовсе. – Мы не коснемся вопроса: стоит ли «Парус» такой чести, не коснемся и справедливости такой меры, ибо, при существовании цензуры, запретить самое издание на будущее время значит запретить издателю подвергать свои статьи суду правительства.

Но, может быть, полезно было бы рассмотреть, какой цели достигнет запрещение издавать на будущее время «Паруса», и не достигнет ли эта мера цели совершенно противоположной той мысли, которая служила сей мере основанием?

«Парус» нелеп, и по направлению, и по образу выражений. Общее впечатление, им производимое, есть иногда негодование, иногда просто смех. [Судьба его неминуема: он должен бы умереть собственной смертью, подобно «Молве»²².] Мужичье забиячество г. Аксакова должно необходимо вызвать такую жестокою беспощадную критику со стороны других журналов, что

значение [будет равным значению г. Булгарина] упадет до степени г. Булгарина.

У «Паруса» 500 подписчиков; с таким числом он не выдержит издания до конца года. Таким образом, по финансовому банкротству и под гнетом общих натиск (так!) «Парус» должен умереть собственной смертью и кануть в вечное забвение.

Что произведет запрещение? Как всегда, оно обратит на журнал общее внимание; вышедшие номера будут прочтены даже теми, которые ничего не читают, [ничем не интересуются]. Кроме [того], что запрещенного [но] один из «Парус» представляется в виде жертвы своей любви к истине, которую бы будто Правительство желает скрыть; большинство читающих заключит, что если «Парус» запрещен, то стало быть в нем не пустошь, как называет с первого взгляда; вышедшие номера перечтутся и досужая болтовня найдет в каждом какое-либо особенное значение; толкам не будет конца.

Такой апофеоз «Паруса» поможет и молчание других журналов, ибо, по понятному чувству, как скоро какое издание

запрещено, то на него уж ничья рука не подымется: лежачего не бьют.

Нам известна не одна статья, приготовленная против «Паруса»²³, где он выведен на свежую воду, разобрано все его ничтожество и нелепость и дан простор русской беспощадной иронии, но запретить «Парус» – и эти статьи останутся в портфелях.

Следовательно, запрещение «Паруса», вопреки цели Правительства, придаст и Г. Аксакову, его изданию – [значение], круг [достигнет жертвы] читателей, а и значение, какого бы ни тот, ни другой никогда не имели, возбудит всеобщее участие к Аксакову как к жертве своего благородства, и толки о мерах правительства в сем отношении. [Вообще в цензурном деле много оптических обм<анов>]. Выговор цензорам, отрешение их от должности, даже конфискация (разумеется, своевременная) вышедших номеров, определение новых, более строгих цензоров, особая инструкция для ценсирования именно сего журнала, – и множество других подобных мер, все это было бы полезно и достигало бы цели; запрещение будущего – никогда.

* * *

¹ Одоевский В.Ф. Сочинения: в 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 425.

² Одоевский В.Ф. Русские ночи / Литературные памятники. Л., 1975. С. 243-244.

³ Там же. С. 243-244.

⁴ Там же. С. 227, 229.

⁵ Переписка Владимира Федоровича Одоевского с Алексеем Степановичем Хомяковым. Письмо 9 июля 1845 г. / Одоевский В.Ф. Записки для моего праправнука. Повести. Статьи. Письма. Критика и воспоминания современников. Московские адреса / Сост., вступ. ст. и примеч. В.И. Сахарова. М., 2006. С. 425.

⁶ Там же. С. 426.

⁷ Там же. С. 426-427.

⁸ Там же. С. 427.

⁹ Там же. С. 428.

- ¹⁰ Там же. С. 429.
- ¹¹ Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981. С. 167-168.
- ¹² Парус. 1859. № 1. С. 16.
- ¹³ Переписка Владимира Федоровича Одоевского с Алексеем Степановичем Хомяковым. С. 432.
- ¹⁴ Парус. 1859. № 1. С. 16.
- ¹⁵ Переписка Владимира Федоровича Одоевского с Алексеем Степановичем Хомяковым. С. 432-433.
- ¹⁶ Там же. С. 433.
- ¹⁷ Там же. С. 434.
- ¹⁸ Там же. С. 434-435.
- ¹⁹ Там же. С. 436.
- ²⁰ Там же. С. 436.
- ²¹ ОР РНБ, Ф. 539. Оп. 1. Пер. 93. Л. 79-80. См.: Литературное наследство. М., 1934. Т. 22–24. С. 288-289.
- ²² «Молва» – единственная в России того времени еженедельная литературная газета. Издавалась в Москве с 13 апреля 1857 г. Официальный редактор-издатель – С.М. Шпилевский, фактический – К.С. Аксаков. К.С. Аксаков ввел новый газетный жанр – передовые (руководящие) статьи, посвященные злободневным общественным проблемам. Эти передовые вызвали негодование цензуры, резкие предупреждения Аксакову. В конце концов он вынужден был остановить издание. В то же время Одоевский подчеркивает, что «Молва» – газета-однодневка, не пользовалась спросом и прекратилась. Такую же судьбу он предсказывает и «Парусу». Это замечание, конечно, несправедливо.
- ²³ Никаких сведений об этом до нас не дошло. Возможно, Одоевский имеет в виду недовольство петербургских журналистов новой газетой. Но, может быть, это и собственная выдумка Одоевского, маленькая месть К. Аксакову. В любом случае до написания статей против «Паруса» вряд ли дошло: ведь было выпущено всего два номера.